

не только в экономическом отношении, но и в плане восстановления *геополитической идентичности* России.

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Н.К. ЧАПАЕВ

г. Екатеринбург

КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОСТИ ВОСПИТАНИЯ К.Д. УШИНСКОГО КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В работе предпринята попытка рассмотрения идей национального воспитания К.Д. Ушинского в российской идентичности личности.

Идеи народности воспитания разрабатывались многими русскими педагогами и мыслителями – Н.И. Новиковым, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, В.Г. Белинским, В.Я. Стоюниным, Л.Н. Толстым и др. Наибольший вклад внес в это дело великий русский педагог, патриот, глубоко верующий человек К.Д. Ушинский (1824-1870).

Идеи народности воспитания пронизывают, так или иначе, все творчество К.Д. Ушинского. Однако у него имеются работы, непосредственно посвященные этой проблеме: «О народности в общественном воспитании», «Родное слово», «О необходимости сделать русские школы русскими». Он создал целостную концепцию народности воспитания, включающую в себя категориально-методологические основания и стержневые идеи. Многие положения, сформулированные К.Д. Ушинским, не только не устарели, но и приобрели сегодня особую актуальность. В этом смысле их можно назвать даже инновационными. Ведь к инновациям в образовании причисляются также *адаптированные, расширенные или переоформленные идеи и действия, которые приобретают особую актуальность в определенной среде и в определенный период времени.*

Категориально-методологические основы народности воспитания. К.Д. Ушинский дал определение народности, которую он характеризует как *осознание сами народом своего национального «Я», стремление сохранить его и способствовать развитию во всех сферах жизни. Народность является «единственным источником жизни народа и истории».* Ему принадлежит крылатая фраза: «народ без народности – тело

без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожения в других телах, сохранивших свою самобытность» [4. С.66].

Народность объединяет в единое целое личность и государство, она есть «источник жизни государства и каждой личности». Личностью (исторической) является и сам народ, *в силу особенности своей идеи, вносимой в историю*. Тем самым, К.Д. Ушинский указывает путь устранения многовекового дуализма личности и государства, сопровождающего русскую историю. Художественным выражением этого дуализма является гениальная поэма А.С. Пушкина «Медный всадник». Такого рода дуализм до сих пор остается сверхактуальным. Корни его произрастают, как и во времена К.Д. Ушинского, из школьной жизни. Почвой для развития такого дуализма в нашей образовательной среде сегодня является мифологизация педагогами личностного фактора. Она в свою очередь подпитывается механическим переносом абстрактных положений *полунашей* современной эклектичной психологии в образовательную область.

Если провести контент-анализ современных педагогических трудов, то, безусловно, слово «личность» в них заняла бы первое место по частоте использования. Это в наше время, когда информационные технологии, управления и манипулирования личностью достигли таких высот, что позволяют формировать ее потребности, интересы, желания в бесконтактном режиме, находясь от субъектов этих потребностей, интересов и желаний далеко-далеко, за пределами места их проживания. Редукция образования к личностно-ориентированному образованию, человека – к личности, сложнейшего процесса становления той же личности – к неким внутренним пертурбациям отдельного индивида – все это звенья одной цепи. Они отражают, с одной стороны, неординарный характер решения в педагогике проблем соотношения внешнего и внутреннего, общего, особенного и единичного. С другой стороны, – состояние дел в педагогике в области решения конкретной проблемы взаимоотношения индивидуалистских и коллективистских начал. Сегодня явно превалирует линия на индивидуализацию педагогического процесса.

Современный педагог серьезно предполагает, что самая гуманная, самая прогрессивная педагогика – это личностно-ориентированная педагогика, а потребности, интересы, желания личности, конкретного индивида являются, чуть ли, единственными факторами, определяющими ход образовательного процесса. Индивидуально-личностный подход возносится в ранг государственной образовательной политики. В Законе об

образовании прямо указано на *адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся*.

Казалось бы, благое дело. Здесь тебе и принцип доступности, требующий еще со времен Я.А. Коменского обучать тому, что доступно обучающемуся, и индивидуальный подход, согласно которому необходимо учитывать те или иные специфические особенности индивида в ходе его обучения.

Беда в одном – как практически выполнять положение об *адаптивности системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся*? Если превратить его в абсолютное средство образования человека и использовать его в буквальном смысле слова, то можно получить образование, которое будет «плестись» за развитием личности (Л.С. Выготский) и тем самым играть роль «фиксатора» его результатов, но никак не средства этого развития. Кроме того, в этом случае не дается ответа на вопрос: как обстоит дело со «встречной» адаптацией обучающегося к условиям образовательной среды? Ведь без взаимной адаптации данной среды и обучающегося вряд ли чего можно добиться путного в педагогическом процессе. Конечно, можно сослаться на слова Дж. Дьюи, уподобляющие обучающегося солнцу, вокруг которого должны вращаться средства образования. Но у того же Дж. Дьюи есть высказывания совсем иного рода. Например, – о необходимости воспитания у американцев *единых демократических желаний*.

Стержневые идеи народности воспитания.

1. *Народность есть фундаментальная потребность социального и индивидуального развития человека, данного народа и общества в целом.* Поэтому воспитание должно охватывать все подрастающее поколение и формировать в духе экономических, социальных и культурных традиций того или *народа, нации*. Воспитание должно быть создано на народных началах. Такое воспитание в наибольшей степени будет способствовать продуктивному развитию человека, так как это развитие опирается на предшествующий опыт его предков. В этом случае, выражаясь современно, срабатывает генетическая память. Великий русский педагог считал, что национальная особенность *вернее прочих особенностей передается от родителей*.

В настоящее время, когда продолжается ломка национального менталитета и индивидуальной психологии, когда живет и здравствует опаснейшая тенденция к девальвации национальных ценностей, следование идеям К.Д. Ушинского приобретает особую, прямо скажем,

жизненно важную значимость. Сегодня на крутом переломе нашей истории, возможно, как никогда, необходимо основываться на *национальных традициях, национальной культуре, национальной обрядности* и т.д. Воспитание должно основываться на принципе *приоритета национальных ценностей*, а не общечеловеческих. Еще раз повторимся: общее проявляется в частном. *Как уникальная личность сильнее выражает человеческую сущность, чем личность посредственная, индивидуально на выраженной, похожая на всех и поддельвающаяся под всех, так и нация тем сильнее выражает общечеловеческое, чем она своеобразнее и богаче своей индивидуальностью.*

2. *В силу самобытности исторических условий формирования народов воспитательные идеи народа настолько проникнуты национальным духом, что перенос их на иную почву без соответствующих изменений бесполезно и даже вредно.* Этим положением К.Д. Ушинский постулирует принцип воспитательно-культурной относительности, в основе которого лежит признание уникальности национальных педагогических культур и плюрализма (многообразия) форм их существования. «Несмотря на сходство педагогических форм всех европейских народов, – замечает он, – у каждого из них своя особенная национальная система воспитания, своя особая цель и свои особые средства достижения этой цели» [Там же. С.34]. Это подтверждается и сегодняшним состоянием дел в области европейского образования. Например, только в системе профессионального образования европейских стран можно выделить несколько типов – государственный, рыночный, смешанный.

Для К.Д. Ушинского очевидно, что нельзя ни жить по образцу другого народа, ни воспитывать по чужим педагогическим образцам, как бы эти образцы не были совершенны. То есть, К.Д. Ушинский исходит здесь не от того, какая система лучше или хуже вообще, а из того положения, что для каждого народа лучше своя образовательная система, чем чужая, в силу того, что она является неотъемлемой частью народной культуры и истории.

В то же время К.Д. Ушинский не отрицает возможность заимствований «полезных педагогических приобретений». Однако при этом замечает: «... но дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характера, его религии» [Там же]. К.Д. Ушинский трансформирует известный педагогический принцип учета

индивидуальных особенностей личности в принцип учета индивидуальных особенностей народа; можно добавить – общества, государства: ведь образования осуществляется в интересах человека, общества, государства. К сожалению, у нас, по крайней мере, в современный период развития нашей педагогики, имеет место сильное стремление к «импорту» «духа школы», направлений и целей ее развития.

Демонстрируя диалектический подход к решению вопроса взаимоотношений национального и интернационального, К.Д. Ушинский формулирует принцип прямо пропорциональной зависимости между уровнем развития чувства народности и уровнем педагогических заимствований. В соответствии с данным принципом *чем больше национального характера в общественном образовании, тем свободнее оно может заимствовать все, что ему угодно у других народов*. Но из этого вовсе не вытекает необходимость тотального заимствования всего и вся. Это лишь означает возможность заимствования того, что *угодно* нам, иными словами, – возможность заимствования того, в чем мы действительно нуждаемся и что действительно для нас полезно. И еще это означает то, что педагогические заимствования должны «ложиться на подготовленную почву». То есть, то, что заимствуется, должно соотноситься с уже имеющимся собственным педагогическим опытом и образовательно-культурными традициями.

Если же взглянуть в современные наши образовательные реалии, то создается впечатление, что мы только и занимаемся, что заимствуем зарубежный образовательный опыт. В образовании, как и во многих других сферах нашей социальной действительности, осуществляется процесс *сплошной вестернизации*. Исследователи, разрабатывая так называемые инновационные педагогические проекты, заняты не столько поиском действительно новых оригинальных путей, сколько *пересказом* того, что уже сделано за рубежом. Соблюдая традиционный этикет перед Западом, они, как правило, стремятся слово в слово перевести закордонные идеи на русский язык. О творчестве говорить здесь не приходится. В лучшем случае можно говорить о *соревновании переводчиков* – с английского, французского, немецкого и т.п. Спорить же здесь не о чем. Англичане понимают определенные педагогические явления по-своему, французы – по-своему, немцы – также по-своему. Ни те, ни другие не торопятся подкладывать под чужие мерки. Эти мы пытаемся совместить в своем образовании каким-то чудотворным образом все многообразие

мирового образования, по крайней мере – европейского. В ущерб собственному своеобразие.

Мы так упорно стремимся распрощаться со своими образовательно-воспитательными ценностями, что готовы, как говорится, «общим списком» перенять иные ценности, взращенные в иных ментальных и социально-экономических условиях, теряя при этом свое педагогическое «лицо» и самобытность. Расставаясь со своим великим педагогическим прошлым, мы умудряемся в его адрес посылать проклятия. Собственно, достается всему нашему прошлому. Нигилистическое отношение («базаровщина») к ценностям отечественной педагогики не менее опасно, чем «зряшное» отрицание исторических достижений нашего народа в целом.

Превращение всего западного в *культ религиозного* преклонения (видимо, в этом сегодня проявляется религиозность многих из нас) – довольно зыбкая основа для решения исконно наших национальных задач. Как в целом, так и в области педагогики. Нельзя не согласиться с мнением, заключающимся в том, что надо опираться на свой богатый педагогический опыт, а не на готовые рецепты западной педагогики. С каким упорством мы продолжаем учиться тому, чему впору учиться у нас: из шести наиболее признанных в мире систем воспитания четыре принадлежат нам [3. С.4].

3. Вследствие того, что жизненный опыт одного поколения народа другому передается с помощью языка, последний выступает в качестве носителя духа народа, его психологии. Соответственно, изучение родного языка, культуры и истории, запечатлевшихся в них, должно занять центральное место в школьном образовании.

Язык, по Ушинскому, – важнейшее средство трансляции национальных ценностей. «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое целое» [1. С.25]. Исчезновение языка означает исчезновение народа. Он считал возможным выпитывание вместе с чужим языком и чужого характера, психологии. Конечно, К.Д. Ушинский, сам знавший европейские языки, не мог быть противником их изучения. Речь идет о другом. Великий педагог выступал за правильную расстановку приоритетов в изучении языков. Абсолютным приоритетом в этом процессе должен обладать родной язык.

К.Д. Ушинский предупреждает: изучение иностранного языка до овладения родным может иметь своим результатом воспитание человека,

который в собственной стране будет вести себя как иностранец. «Дитя вместе с чужим языком впитает английский или французский характер, – пишет он. Дух языка, дух народа (английского, французского) пустит глубокие корни в его душу. Первые впечатления глубже всех прочих. Став государственным деятелем, такой человек будет носить на себе иноземное тавро и не привьется к народу» [Там же. С. 32].

Что называется не в бровь, а в глаз. Можно в одном поспорить с Ушинским: настоящими англичанами или французами такие люди вряд ли станут. Ибо и английские, и французские политики уважают свой язык и свои традиции настолько, что не могут позволить себе блистать знанием чужого языка и тем более «носить на себе иноземное тавро». Они даже оскорбляются, когда незаслуженно забывают об их языке на международных встречах. Пример тому – протест бывшего президента Франции Ширака, выраженный в связи с тем, что организаторы одного общеевропейского мероприятия позабыли о существовании французского языка, ограничив ведение протоколов на английском языке.

Наши правители сами с удовольствием (наверное?) забывают о существовании своего языка и где надо, и где не надо показывают хорошее знание иноземных языков. А ведь Россия – многонациональная страна. Почему бы нашим политикам-полиглотам не выучить, скажем, татарский язык, на котором говорит весьма солидная часть россиян? Ведь, хочется надеяться, что мы имеем дело с нашими, российскими политиками, а не с лоббистами неких транснациональных интересов, носителями «иноземного тавра»! Хотя иногда и берут сомнения, видя, как некоторые наши политики выглядят за рубежом как невесты на смотринах. Мол, глядите, какой я хороший и готовый жить с вами в мире и согласии. В этой связи вспоминаются слова одной грузинской политической деятельницы, сказавшей в ответ на вопрос о наличии пророссийски настроенных политиков в Грузии, что в самой России таких политиков нет.

В контексте сказанного о языковой подготовке умиления дворянским воспитанием не совсем к месту. Именно благодаря тому обстоятельству, что дворяне с молоком матери впитывали в себя чужой язык (соответственно, согласно Ушинскому, – чужой характер и психологию) они как образованный и управляющий класс так и не смогли за многие столетия сплотить *окончательно* нацию, сформировать русскую государственность. В результате в 1917 году случилось то, чего не могло не случиться. Сегодня дружно (и патриотами, и либералами) виновной признается одна сторона – разрушающая. Но позвольте спросить: а где

была охранительная сторона? Как она выполняла свои функции сохранения государства и порядка. Всё ли она делала так, как было это необходимо? Почти за сто лет до 1917 года аристократ Пушкин писал аристократу Чаадаеву: *Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!* Учтите, это Пушкин, а были еще декабристы-аристократы, которые «обнажали» «свой царевбийственный кинжал». Не так все просто, господа!

Правители-аристократы, чтобы «не отстать от Европы» (вот уж наша неумная страсть на кого-то походить, кого-то догонять, кому-то потрафить за счет своих интересов), зачастую перенимали что-нибудь из чужого опыта, мало беспокоясь о том, как он соотносится с российскими реалиями. Вследствие чего многие государственные институты напоминали что-то вроде одежды с чужого плеча. К.П. Победоносцев при характеристике этого явления, характерного не только для России, но и для других восточноевропейских стран, приводил в качестве иллюстрации басню Ивана Крылова «Мартышка и очки». Попытки нынешних правителей рядить Россию, ее социальные, экономические, образовательные составляющие в заморские или европейские одежды продолжают лишь трагическую традицию игнорирования нашей самобытности и «неуважения себя» (В.В. Розанов). От которого, кстати, по мнению В.В. Розанова и «погибла Россия».

К.Д. Ушинский с горечью пишет о низком уровне преподавания русского языка, русской словесности, русской истории. Только русский, восклицает великий педагог, изумляя иностранцев своим безукоризненным выговором на иностранных языках, в то же время часто плохо говорит на своем языке; знает подробно историю французской революции и в то же время глубокомысленно задумывается над тем, в каком столетии жил Иоанн Грозный. По сей день актуальны слова Ушинского о «самом резком отличии западного образования от нашего»: человек западный, даже полуобразованный, ближе всего знаком со своим отечеством – родным ему языком, литературой, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением, а русский человек всего менее знаком с тем, что всего к нему ближе – со своей родиной, и всем, что к ней относится [5. С. 261].

Незнание своей Родины для Ушинского – не только нравственная, но и экономическая категория. Он убежден, что «плохое состояние дорог, наших финансов, частый неуспех наших больших предприятий», «наши

лопающиеся акции, пребывание громадных дел в руках невежд и пребывание ученых без всякого дела» – «все эти болезни, съедающие нас», в большой мере зависят от «незнания нами нашего отечества». Они бы «сильно уменьшились, если в России... поднялся уровень знаний о России, если бы мы добились хоть того, чтобы наш, закончивший курс обучения, знал о полусветной России столько, сколько знает о своей маленькой Швейцарии десятилетний швейцарец, окончивший курс первоначальной школы». И – печальное резюме к сказанному: «... право, нам не помешало бы занять, вместо прочих, одну черту из западного образования – черту уважения к своему отечеству» [Там же. С.263].

К сожалению, последнее пожелание была мечтой и осталась таковой. И в ближайшем будущем не предвидится превращение ее в реальность. Иногда даже хочется воскликнуть: черного кобеля не отмоешь добела.

Сила гения К.Д. Ушинского состоит в том, что он видит в качестве путей устранения социально-экономических неурядиц не «революционные преобразования» (у нас и так потрясений больше, чем достаточно), не «возрождение России» (сколько раз надо возрождаться, так можно и переродиться), не «построение новой России» (сколько раз обновляться), а «всего лишь» знание России и уважения себя. Именно незнание своих традиций, своей страны порождает во многом неуважительное отношение к ним, что ведет к самым пагубным последствиям. Спросите, себя, почему так назойливо нас потчуют *наши* СМИ (не отстает от них *наша* система образования), информацией, освещающей жизнь, культуру и т.д. зарубежных стран.

Такого рода информацию, что называется, толкают нам во все места и во всех местах. Зайдите в магазин, подойдите к заводским проходным – всюду услышите песни не на русском, не на татарском, не на чувашском языках, а на английском, французском и других иноземных языках. Включите телевизор, много ли там передач о наших народах, об их культуре, обычаях, традициях? Вот об английской королеве, пожалуйста. Чуть ли не каждый день о ней повествуют наши СМИ. Чуть ли ни нашим днем национального поминовения представили российские СМИ день гибели «леди Ди». Да и вообще английское – это любимое блюдо наших СМИ. Например, «Маяк», Радио России многие свои информационные сообщения нередко заканчивают сведениями из британской жизни. Не важно – негативной или положительной (в большей степени). Вспомним Штирлица: *запоминается последняя фраза*. Главное – создается некая

информационная среда, в которой мы вроде бы обитаем и в которой мы становимся как бы частью великого королевства.

Почему **как бы**? Потому что, по-настоящему мы никому не нужны. Нужны примерно так, как так называемые развивающиеся страны, находящиеся формально под английской короной. Важно то, что человек *теряет ориентацию в системе взаимоотношений «свое-чужое»*. И тогда в наших учебных заведениях Halloween и День святого Валентина возводятся в ранг общенациональных праздников. По *обязательности* и размаху они вплотную приблизились к постепенно уходящим из нашей жизни первомайским и октябрьским праздникам. Почему бы, казалось, не праздновать в российских школах День Сергия Радонежского, который, по словам В.О. Ключевского вдохнул в русское общество в критическое время его существования (эпоха Куликовской битвы) *чувство нравственной бодрости и духовной крепости*. Но это пока из области фантастики, чтобы так массово и с таким рвением в российских школах отмечали бы память русских святых. И уж совсем дико звучит предложение о праздновании Дня Сергия Радонежского в английских школах. А у нас все можно, если дело касается поправки наших ментальных прав, наших святынь. И во многом потому, что с невероятно большим трудом нами вспоминается День Победы – 4 ноября 1612 года. Да что там XVII век; не все наши учащиеся могут вполне уверенно назвать День Победы 9 мая 1945. А некоторые могут даже удивиться, что вообще мы могли победить. Вот американцы – это да.

Кстати, об американцах. Они – куда большие последователи учения К.Д. Ушинского, чем мы. Здесь надо иметь в виду, что, рассуждая о народности, он имел в виду не только русских, Россию, хотя акцент, естественно, делался именно на них. Для Ушинского было очевидно, народность должна быть свойственна образовательным системам всех народов. Более того, он как раз замечал, что в Европе, куда в большей мере придерживаются ее, чем у нас. К.Д. Ушинский вообще призывал учиться народности воспитания у европейцев. Но вернемся к американцам – нашим главным учителям (надо сказать – есть чему у них поучиться, например, – воспитанию патриотизма и уважения к своей стране, своей истории).

Так, американский школьник может толком не представлять, где находится, например, Сальвадор, но зато он хорошо информирован о своей стране, о штате, где он проживает. В свое время газеты подшучивали над Рейганом, что, мол, путает названия латиноамериканских стран (или что-

то в этом роде). Возможно, это так и было. Но зато он отлично знал, где находится родной штат Калифорния и родная Америка, а, главное, – знал их интересы, которые он верой и правдой весьма успешно отстаивал как президент Соединенных Штатов.

Трепетное отношение к своей истории (не к чужой, как у нас!) начинается со школьной скамьи. История Америки – по сути, важнейший предмет, находящийся под неусыпным контролем государственных и общественно-попечительских органов. Учебники истории проходят жесткую цензуру. Ни вариативность, ни плюрализм здесь недопустимы. Это можно в России в учебниках по отечественной истории даже не упомянуть о Сталинградской битве (стоит ли удивляться, что часть наших старшеклассников мало ведают ней), зато всюю расписывать подвиги американцев во второй мировой войне. Для американских же школьников слишком большая роскошь знакомиться с подвигами русских в этой войне. Для них очевидно: войну выиграли *мы*, американцы, а не какие-то русские (вспомните название фильма «*Неизвестная война*»). История Америки – обязательный предмет для студентов, обучающихся в США. Независимо на кого учишься, откуда приехал, будь добр, нашу историю вы должны знать. Подобной чести удостаивалась разве что история КПСС, читавшаяся в советских вузах.

История Америки для американцев – это некая священная корова, являющаяся предметом высочайшего почитания, гордости и восхищения. Она отнюдь не непредсказуема. Абсолютное большинство американцев даже десятки лет спустя оправдывают бессмысленную и каннибальскую с точки зрения человеческого разума бомбардировку Нагасаки и Хиросимы. Хорошо срабатывает ведущая идея прагматизма: истинно то, что полезно. Представьте теперь, что, если бы это сделали не американцы, а мы. До сих пор бы раздавался вселенский вой по этому поводу. И громче всего он звучал бы у нас, в России. Массово, объектно (виноваты ведь вожди, а не Я) каяться мы научились очень хорошо, еще бы дожить нам до индивидуального, субъектного покаяния. Дорости до разума человека, отсидевшего десятки лет в лагерях, но при этом нашедшего силы сказать: я тоже виноват, что были такие репрессии.

Надо признать, что американцы, как и европейцы, стараются (когда это для них целесообразно), придерживаться древней заповеди: о мертвых говорить надо хорошо, или ничего. Правда, чаще всего, речь идет о своих мертвых. Немаловажно и то обстоятельство, что и американцы, и европейцы, да и многие другие нации вообще чрезвычайно почтительно

относятся к памяти своих предков, соответственно, – к местам их захоронения. К сожалению, здесь мы явно проигрываем. Достаточно сравнить их кладбища и наши погосты.

В заключение приведем некоторые вопросы, заданные К.Д. Ушинским еще в XIX веке, но не потерявшие своей эвристической и ценностной актуальности в наши времена.

1. Почему факт нашего невежества во всем, что касается России, до сих пор не обратил на себя должного внимания?

2. Почему в газетах, которые так принимают близко к сердцу все, что касается русского воспитания по отделу классических языков, не находится места для обсуждения вопросов об изучении России в русских школах? Почему вместо этого газеты даже ополчились против слишком долговременного занятия в них русским языком, русской литературой и русской географией?

3. Почему в наших школьных уставах, подвергающихся беспрепятственным переделкам, нет и намека на преимущественное, усиленное изучение Родины?

Это только часть вопросов К.Д. Ушинского, которые он сформировал в своей работе «О необходимости сделать русские школы русскими». Если их несколько осовременить (например, во втором вопросе вместо «классических языков» вставить «иностранных языков»), они станут не только эвристически актуальными, но прямо-таки злободневными.

И еще один вопрос, который хочется задать всем нам, себе в том числе: почему до сих пор голос гения русской педагогики остается «гласом, вопиющего в пустыне»?

В самом конце обратимся к великому духовнику русской нации И.А. Ильину. Дух национального воспитания необходим русскому и каждому здоровому народу, – считал И.А. Ильин. Соответственно: «Задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа, и притом в формах возрастающей одухотворенности национального благородства и международной справедливости. Только на этом пути человечеству удастся соблюсти священное начало Родины и в то же время одолеть соблазны – как больного национализма, так и все разлагающего интернационализма» [2. С. 241.].

Представляется, что самой крупной и, главное, полезной «инновацией» для нашего образования было бы наконец-то создание в России национально ориентированной системы образования, способной с

пользой для себя интегрировать опыт других народов, являющийся, по словам Ушинского, драгоценным наследием для всех.

Литература

1. Духовные основы русского национального воспитания: Хрестоматия /Сост. Н.К. Чапаев. Екатеринбург, 1994.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
3. Курганов С. Нас русскому учит Вашингтон? Или чем Россия отличается от Мозамбика // Уч. Газ. 1991. №41.
4. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. 1945.
5. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М., 1986.

И.П. ВЕРЕЩАГИНА

г. Екатеринбург

ЦЕННОСТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА В.А. СУХОМЛИНСКОГО

В последнее время в связи с глубокими изменениями экономических, социокультурных и идеологических основ жизни Российского общества в отечественной педагогической теории и практике все более отчетливо осознается насущная потребность серьезного осмысления глубинных *ценностно-целевых* ориентиров дальнейшего развития образовательного процесса. Думается, что такая потребность всегда была органичной нашей педагогике. Актуализировалась же она в переломные моменты жизни страны, народа, когда решались его судьбы.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к анализу педагогического наследия В.А.Сухомлинского, в котором внимательному исследователю открываются крупницы опыта восстановления на основе традиционных для русской культуры системы ценностей прерванной социальными катаклизмами «связи времен»

В.А. Сухомлинский (1918-1970), возглавив в тяжелый послевоенный период школу в селе Павлыш, положил более двух десятков лет на то, чтобы превратить ее в «моральный санаторий» (Я. Корчак), а точнее – в творческую лабораторию развития гармоничной личности, ее духовно-нравственного и социального становления.

Идея всестороннего развития личности в советской педагогике обрела характер цели воспитания, цели несколько абстрактной, идеальной, а потому «размытой». Эта цель нуждалась в конкретизации. И жизнь Павлышской школы нельзя представить без многообразной каждодневной совместной деятельности коллектива детей и педагогов, в которой